

Асия

Байгожина

ШОРНАИР

...Бабушка заболела весной. Сначала просто припадала на одну ногу, а потом и вовсе не могла ступить на нее. Приехал на машине хирург Петухов. Он часто бывал у моего отца – вдвоем они часами играли в шахматы и разговаривали. Заходил и к деду. Увидев меня, начинал корчить страшные рожи и угрожающе рычать: «Ка-ак поймаю сей-чаас..!!» Я убежала, а он, смеясь, догонял, сажал на плечи и начинал бегать по двору, издавая воинственные крики. Бабушка ворчала: «Шалопут, уронишь ребенка», – пытаюсь отнять меня, но не могла достать даже до его плеча и ругалась: «Вымахал же, жердина». Мы с Петуховым хохотали. Петухов скашивал на меня глаза и на бегу лукаво спрашивал: «Бо-о-ишься?!» Зажмурившись от восторга, я мотала в ответ головой: «Нет, нет!»

А сегодня... Я выбежала ему навстречу: сейчас подхватит, подбросит в небо... А он даже не улыбнулся и прошел мимо, лишь потрепав по голове. Зашел в дом. Вышел оттуда хмурым и сосредоточенным. Долго озабоченно говорил с отцом и дедом у ворот. Я, обиженная и недоумевающая, слонялась по двору, надеясь, что он все же заметит меня.

Пришла мама и тоже поначалу не обратила на меня внимания: напряженно слушала Петухова, переспрашивала, кивала головой. Я подошла поближе. Все трое обступили Петухова, что-то ему долго говорили. Петухов развел руками: «Надо решаться», – сказал он. Никому тут не было до меня дела. Раздосадованная, я поднялась на крыльцо, решив: «Пойду расскажу бабушке, какой противный этот Петухов».

Но тут мама наконец окликнула меня и сказала:

– А не хочешь ли пойти к нам? Я купила тебе пластилин и забыла принести.

Я мигом слетела с крыльца и побежала в родительский дом – в соседний переулок: ведь я уже столько дней просила бабушку купить пластилин, мне так хотелось иметь эту огромную нарядную коробку, в которой лежали сразу двадцать ярких разноцветных брусочков. Они так здорово пахли, и я могла вылепить целый зверинец!

– Ну, давай же, давай скорее, – нетерпеливо подгоняла я маму.

А мама не торопилась. Заставила выпить меня молока с кукурузными хлопьями, потом послала искать кошку Мусю, и я усердно заглядывала под стол, диван, смотрела за буфетом, сбегала в кладовку, заглянула в сарай и на огород,

поднялась даже на крышу. А когда, не найдя ее, вернулась на кухню, то увидела рыжую Муську, свернувшуюся калачиком на подоконнике.

Мама тоже удивилась:

– Как это мы вдвоем ее не заметили, надо же!

Долго копалась в шкафу, потом в тумбочке и наконец достала коробку из сумки, с которой приходила в дедушкин дом:

– Вот твой пластилин.

Я раскрыла коробку, полюбовалась ровными яркими столбиками.

– Ой, какие хорошенькие! – закрыла, сунула под мышку и помчалась домой.

Мама закричала вдогонку:

– Подожди, я тебе еще кое-что хотела показать... Куда же ты?

Но мне ничего уже больше не надо было здесь, и, беспечно отмахнувшись, я побежала к себе.

Дед поднялся с завалинки, промолвил:

– Светик мой...

Я хвастливо, на ходу, повертела коробкой перед его носом:

– Видишь, в том доме купили!

С размаху открыла дверь и закричала:

– Апа, смотри, что у меня!

И осеклась. Постель, с которой бабушка в последнее время почти не вставала, была аккуратно заправлена. Палка ее, как обычно, стояла в углу. Тапочки тоже были на месте. А бабушки не было. Коробка выпала у меня из рук.

Я закричала:

– Апа-а!

Вошел дед, взял меня на руки и сказал:

– Увезли твою апу в больницу.

...Ах, как они меня обманули, как купили!.. Я знала, что такое больница: когда меня укусила собака, меня водили туда каждый день.

Я начала колотить по дедушкиной спине.

– Ты почему, почему ее отпустил? Ты нарочно это сделал! Вместе с Петуховым!

Нарочно! Ей там больно будет!

Дед обнимал меня, увещевал, но я вырывалась и продолжала яростно колошматить его спину, плача злыми слезами:

– Хочу к ней. Хочу к ней!

Дед успокаивал меня, целуя в лоб:

– Обязательно пойдем. Конечно, ты ее увидишь. А пока я тебе ласточкино гнездо покажу – прямо под крышей сарая свили, ты ведь не видела еще ласточкиных птенцов?

...В доме без бабушки стало тихо и уныло. Не пыхтел старый самовар, не трещал по вечерам сепаратор. Никто по утрам не говорил мне: «Сегодня пятница – благословенный день, наденем зеленое платье». Понедельник был белым, вторник синим, среда – красной, четверг – желтым, а суббота – голубым. А воскресенье всегда было пестрым, разноцветным – в полоску, клетку или горошек.

Я сначала, просыпаясь, спрашивала у деда, какой сегодня день, и сама одевалась. Но потом все перепуталось. Пестрое воскресенье проходило, а белый понедельник мама не постирала, и я надевала синее платье вторника. Во вторник

мне не хотелось с ним расставаться, а мама уже протягивала голубой сарафан – одежду субботы.

Я говорила:

– Сегодня среда. Она красная. Где мое красное платье?

Мама качала головой:

– Что за причуды? Ну пусть она будет голубой.

– Она не может быть голубой. Она всегда красная, потому что посередине, – упрячилась я.

А мама говорила:

– Не глупи. Какая разница между днями недели – они все повторяются. Люди что хотят, то и носят.

И вскоре в самом деле все дни стали одинаковыми. Утром мы с дедом убирали постель и, умывшись, шли в родительский дом завтракать.

Потом возвращались к себе. Я подметала крыльцо, поливала цветы в горшках, вытирала пыль. Дед садился у окна, вытаскивал кожаный мешочек с бобами, разглаживал носовой платок, шептал: «Бисмилла» и раскладывал кумалаки. Я присаживалась рядом. Каждый раз он сообщал: «Все благоприятствует хорошему окончанию дела. Лоб хмурится, а на сердце – радость. И дорога домой вот-вот откроется. Судьба уже благословила путь...» Он вздыхал, складывал бобы назад в мешочек, поднимался с места: «Аллах даст – все образуется». Он брался за работу во дворе. Я от него теперь не отходила – шел он к лошади, я держала вожжи, чинил дверь – я подавала гвозди. Шел к соседям – я была при нем. Вечером выходил к стаду за коровой – я бежала тут же с хвостотиной. Играла я всегда недалеко от деда – чтобы держать его постоянно в поле зрения. Стоило ему куда-нибудь двинуться, я тут же все бросала и кидалась к нему:

– Ата, ты куда? Я с тобой!

Среди ночи, внезапно проснувшись, я вставала и подходила к деду, откидывала одеяло:

– Ты здесь?..

Наверное, я боялась, что и его могут тайком, вероломно, забрать у меня, и потому не спускала с него глаз...

Бабушку я видела каждый день. Перед тем как идти к ней, меня переодевали, заново заплетали косички, и перед окном больницы я возникала в наглаженном платьице, с огромными бантами на голове.

Я залезала к ней на подоконник, обхватывала ее за шею и с тоской спрашивала:

– Ты пойдешь домой?

Гладила ее волосы, щеки, руки:

– Пойдем, апа.

Бабушка кивала головой.

– Завтра приду.

– А когда завтра? – допытывалась я. – Ты вчера говорила – завтра. Разве сегодня уже не завтра?

– Завтра будет завтра, – улыбалась бабушка.

Я торопливо – шепотом – жаловалась на родительский дом: сестра забирает мои игрушки, брат порвал мою книжку, мама неправильно убирает в нашем доме, и чай там наливают не из самовара, а из электрочайника... Бабушка слушала меня.

прикрыв глаза. И ничего не говорила в ответ... Только губы подрагивали и руки быстро-быстро перебирали четки. На прощанье она всегда давала мне два куска хлеба с повидлом – свой больничный полдник.

Мама сокрушенно качала головой:

– Ну, что это такое? Разве не досыта она ест дома, апа?

Бабушка кивала и смотрела на меня: я в это время торопливо слизывала повидло со второго куска и поспешно протягивала его бабушке:

– Я больше не хочу, ты сама теперь ешь!

...Этот кислый вкус черного хлеба – так мы звали в детстве ржаной хлеб – я потом забыла напрочь. Но однажды, уже взрослой, надолго попав в больницу, я вновь ощутила его вкус: в столовой на полдник мне протянули ржаные хлебцы с яблочным повидлом – и в этот момент я, уже что-то смутно предчувствуя, но ничего еще не понимая, взяла в руки хлебец, поднесла ко рту и, вдохнув его запахом, неожиданно потеряла сознание.

Потом в палату приходила невропатолог, смотрела зрочки, хлопала молоточком по коленям и сказала:

– На фоне гастрозаболеваний такое случается: отвращение к какой-то еде более чем возможно. Вкусовые ощущения меняются.

Фон был другой. А вкус я и так знала какой: смертельно сладкий.

...Через месяц бабушку привезли домой. Лучше в больнице ей не стало. Петухов сам оперировал ее и теперь регулярно навещал бабушку. При встречах он сочувственно улыбался мне, но я не отвечала на его улыбки, сторонилась его и смотрела исподлобья: играть с ним, как прежде, у меня не было охоты, да он и сам не пытался. Я смутно подозревала его вину в бабушкиной долгой болезни.

Бабушка лежала сначала на кровати. Потом попросила постелить ей на полу.

– Тянет меня земля, тянет, – говорила она.

Меня ее слова пугали. Да и к самой бабушке я относилась с опаской – совсем она не походила теперь на мою прежнюю апу – та редко меня целовала, а эта – только подойду – начинала осыпаться поцелуями лоб, щеки, руки, голову. У моей руки были белые и пахли молоком и свежими лепешками, а у этой – руки были все в коричневых пятнах, мелко дрожали и пахли так, что щипало в носу. Та могла ответить на любой мой вопрос, а эта даже не хотела разговаривать, лишь молча смотрела на всех.

Больше всего меня пугали ее глаза. В них поселилось что-то такое, чего нельзя было перенести – острое, пронзительное, страшное. Я боялась ее горячего мучительного взгляда и домой старалась входить вместе с дедом. Если же деда не было, я осторожно заглядывала в окно – прямо над бабушкиной головой и, если глаза ее были закрыты, на цыпочках, крадучись, боясь оглянуться на нее, пробиралась быстро в свой угол с игрушками и, выхватив нужную, с бьющимся сердцем бежала опять во двор. Если бабушка вдруг окликала, я делала вид, что не слышу, тем более что голос у нее действительно стал похож на тихий шелест. Дед, например, и впрямь ее не слышал. Мне было стыдно, но страха своего я перебороть не могла.

Мне и сегодня трудно смотреть кому бы то ни было прямо в глаза – я, как в детстве, боюсь увидеть тот взгляд. Взгляд людей, стоящих уже на последнем

пороге... Я понимаю, что взгляд за собой не увлечет, но переносить его, зная, чувствуя, ощущая, чей это взгляд – неимоверно трудно. Только на страшном Пороге человеческий взгляд обретает эту остроту. Но есть люди, что всю жизнь живут на этом Пороге. Наверное, им – наедине с собою – невыразимо страшно...

Я не любила родительский дом – он был мне любопытен и интересен, но не был моим. Я там никогда не жила. А наш дом теперь меня пугал. В нем поселился стойкий запах лекарств, тревоги и страха. В нем поселилась тишина – густая и жуткая. Теперь в нем жили обман и притворство. Говорили или неясным шепотом, или, наоборот, чересчур громко и весело.

Дед каждое утро повторял:

– А ты, апа, сегодня совсем хороша.

Натянуто улыбался отец:

– А какой суп я принес – сразу на ноги встанете, – бодро приговаривал он.

Много суетилась и говорила мама, приводя по утрам бабушку в порядок: умывая ее лицо, руки, расчесывая седые волосы.

Только одна бабушка правдиво молчала.

Три раза в день приходила медсестра Шолпан, открывала свой блестящий металлический чемоданчик, вынимала шприц, игрушечные свои инструменты, которые притягивали и пугали одновременно, и ласково говорила мне:

– А ты иди, погуляй во дворе пока.

И я покорно уходила, оставляя бабушку наедине со страхом и болью.

Шолпан скоро уходила, а я боялась сама вновь зайти в дом. Не знаю, чего я пугалась на самом деле, но однажды вдруг, когда я, опять опасливо косясь, рылась в буфете, бабушка отчетливо сказала:

– Уже подойти ко мне брезгуешь.

Я вздрогнула, и стыд полыхнул во мне.

Я не понимала ее боли, досадовала на то, что приходится порой долго сидеть возле нее, держа в руках ее сухую ладонь, недовольно морщила нос и с отвращением смотрела на повязку. Я поджимала губы, когда бабушка, охнув, говорила: «Жанымай – душа моя», и медлила поправить сбившийся на сторону ее платок. Я злилась на то, что приходится говорить вполголоса и ходить чуть ли не на цыпочках. Мне все хотелось спросить: «Ну когда же ты встанешь, апа?»

Порой мне даже казалось, что бабушка просто капризничает и притворяется: нога как нога, ходила ведь раньше с палочкой, почему бы сейчас так не ходить? Ишь, разлеглась...

Но что-то все же удерживало меня высказать вслух свои подозрения.

Бабушка тоскливо причитала:

– Эх, кабы знать, что, уйдя, смогу вернуться и увидеть вас снова – так ведь не вернусь... А коли вернусь – то не увижу. А коли увижу, то ведь не узнаю. О, создатель, для чего ты все так устроил в человеческом мире? Почему?..

Услышав это как-то, я беспечно сказала:

– Апа, ты не расстраивайся. Я сама к тебе тогда подойду – я же тебя всегда узнаю.

Бабушка горько – через силу засмеялась:

– Зрачок ты глаз моих, не слушай старую, совсем из ума выживаю.

И зашептала молитву: «Даруй Аллах долгие года и здоровье детям моим, что остаются на земле. Грехи моих родных пусть падут на мою голову. И за будущие их прегрешения взыщи с меня, Алла»

Бабушка не умела молиться, сказал мне спустя годы дед: она не знала арабского языка, на котором мусульмане творят молитву. Но для меня лишь одна бабушкина молитва была единственно настоящей. Жаль, слишком поздно поняла ее смысл...

...Лето шло. Бабушка не поправлялась. Как-то по ее просьбе отец с дедом вынесли ее прямо с постелью во двор, где мама на траве постелила ковер и несколько одеял. Бабушка лежала под деревом, с улыбкой окидывала взглядом всё вокруг. Дед поставил самовар, мама вынесла из дома скатерть, отец подложил две подушки под спину бабушки – дастархан разложили тут же, на ковре.

Бабушка выпила две чашки чая и даже съела несколько изюминок:

– Хорошо на земле, – проговорила она и провела рукой по траве, вздохнула: – Растет, как прежде...

День был теплый, ясный, а все – оживлены и веселы. Когда мама стала убирать чашки, пришел почтальон – принес телеграмму, которую прислал брат отца из Киева. В телеграмме было всего три слова: «Вылетаем пятнадцатого. Диас».

– Ну, вот и его увижу, – с просветлевшим лицом сказала бабушка и попросилась обратно в дом...

Мама осторожно, как грудного ребенка, укладывала бабушку в комнате, а я в это время недвижно стояла за дверью и напряженно ждала. Мне казалось, что бабушка вот-вот встанет, – вот сейчас, сию минуту – только наденут ей платок, поправит она его, и тут же сама встанет, выйдет и скажет, как раньше:

– Ну, а где моя маленькая ханша, ведь, наверное, пора нам хорошенько прогуляться, щеки нарумянить, аппетит нагулять, а?

Я боялась пропустить этот момент и с колотящимся сердцем стояла за дверью, чтобы тут же – как прежде – кинуться ей на шею:

– Вот она я! Пойдем, апа!

Я так этого ждала! И это непременно должно было случиться.

Но услышала я совсем другое – бабушка прерывающимся голосом говорила про меня маме:

– Дана совсем еще ребенок. Уйду и забудет сразу. Ничему не научила, ничего не передала. До главных радостей ее не дожидла. Забрала, отняла, получается, ее у тебя. Да все прахом пошло... Спасибо, что не упрекаешь...

Я тихо вышла во двор, пытаюсь понять, что говорила бабушка. Но сколько ни думала, смысл ее слов от меня ускользал, и я чувствовала – никто мне его не разъяснит; я сама, одна, самостоятельно должна была его найти – постичь тайный и важный смысл бабушкиных слов. Но не находила, и сердце мое разрывалось от этого. В горле стоял ком.

Наутро, когда мы пришли с завтрака из родительского дома, дед зашел в комнату за молотком и через минуту вышел с посереженным лицом, разом вспотевший, и глухо сказал:

– Вот и успокоилась твоя бабушка – ана дүниеге аттанды...

И неведомая тяжесть, все это время давившая меня, разом свалилась с меня. Я захлопала в ладоши:

– Ура! Успокоилась, успокоилась!

Заинтересованно спросила:

– А куда же пошла?

Дед пробормотал:

– Кайтты... Умерла твоя апа... – и присел на крыльцо.

Ах, какое новое восхитительное слово «УМЕРЛА»! Я слышала его впервые.

На всякий случай я переспросила:

– Это значит, что нога не болит? И теперь у нее ничего не болит вообще?

Дед кивнул:

– Отмучилась, всё...

Я с победным криком вихрем пронеслась по двору. Выбежала за ворота. Сосед Мурат ехал навстречу на новеньком самокате. Он был старше меня на год и ехал важно, не глядя по сторонам.

– Эй! – крикнула я, задыхаясь.

– Чего тебе? – небрежно спросил он.

– У нас бабушка умерла, – гордо произнесла я. – Вот! У нее ничего теперь не болит! Ана дүниеге аттанды!

– Врешь! – не поверил он, но на всякий случай притормозил.

– Дед сказал! – обиделась я.

– А как? – заинтересованно спросил Мурат.

– Не знаю, – пожалала я плечами. – Как все. У нее теперь болезни нет. Она ушла.

Мы пришли – она ушла.

– Сама! – Мурат уважительно посмотрел на меня, потом, что-то прикинув в уме, решил, снял ногу с самоката, протянул мне руль: – На, покатайся пока, а я пойду нашим скажу.

Видимо, новость моя того стоила! Я обрадованно кивнула и покатила по улице. Всё во мне ликовало! Я неслась по нашей улочке, радуясь, что на Мурата так подействовала моя новость.

Я пела во весь голос, непрерывно нажимала на звонок и самозабвенно каталась до тех пор, пока кто-то не ухватил меня сзади за пояс со словами:

– Здравствуй, Дана!

Сколько радостей в один день! Это был дядя Диас с женой – тетей Ритой. Я тут же бросила самокат, кинулась к нему на шею со словами:

– Ой, дядя Диас, как я по Вас соскучилась! Вы так кстати приехали – суюнши! (О, я знала: мне обязательно дадут подарок за радостную весть!) Бабушка умерла! Суюнши!

– Что?! – спросил, бледнея, дядя Диас.

– Умерла, умерла, точно вам говорю, – затараторила я. – Правда же, это здорово? Мы пришли с дедом, а она – умерла! Правда же, здорово?!

– А почему здорово? – недоуменно спросил дядя.

– Здорово, что умерла, – пояснила я. – Понимаете: умерла! Ана дүниеге аттанды.

Я упивалась звучанием нового для меня слова. Дядя Диас, побагровев, опустил меня на землю, как-то странно взглянул и вдруг дал мне пощечину со словами:

– Она умерла, а ты – радуешься, значит?

Он побежал к дому.

Тетя Рита ахнула:

– Диас, она же ребенок! – сочувственно глянула на меня и побежала следом.

Я сидела посреди пыльной улочки прямо на песке и недоуменно смотрела им вслед. Хотя щека моя горела, я даже не заплакала. Я была ошеломлена, я не знала и не могла понять, за что меня ударили. Это было так странно и непонятно... Что же это такое? Кто-то же мне должен это объяснить? Но – кто? Ну, конечно сама бабушка! Как это не пришло мне сразу в голову?! Я вскочила и побежала стремглав домой.

Но у ворот меня перехватила соседка Тамара со словами:

– Не ходи туда – не до тебя там всем...

Я отмахнулась:

– Я к бабушке, не к ним...

Но Тамара продолжала меня удерживать:

– Сейчас к ней нельзя. Потом. Завтра. Пойдем к нам, я кукурузу как раз сварила. Ты ведь любишь кукурузу? Магомед ее уже, наверное, ест – я специально за тобой пришла.

Она настойчиво тянула меня за собой. Кукуруза была горячей и вкусной. Я съела целых два початка и собралась было опять домой, но Магомед решил мне показать фокусы, и я, заинтригованная, осталась. Потом он принес книгу и стал читать мне вслух сказку про русалочку.

Конца ее я не слышала – уснула. За мной пришла мама. И на руках понесла домой. Я сонно пробормотала:

– К бабушке хочу, к себе. К апе неси...

Проснулась я одна в пустом родительском доме. Неясная тревога охватила меня. Наскоро одевшись, я побежала к себе. Во дворе толпилось много чужих, незнакомых людей. Сосед Кали в кожаном фартуке стоял под деревом и точил кривые длинные ножи. Дед выводил из-за стойла нашу кобылу. Лошадь беспокойно ржала.

– Ата, – закричала я в ужасе, – уходи!

Рванулась к нему:

– Пошли!

Дед оглянулся, увидел меня, махнул рукой, губы его странно скривились, он растерянно заозирался по сторонам. Выбежала тетя Рита, в черном платке на голове, подхватила меня на руки, унесла за ворота.

Я билась в ее руках и кричала:

– Ата!!! Что они хотят сделать с дедушкой? Ата!..

– Ничего-ничего, тебе показалось. Ата сейчас придет, – успокаивала меня тетя Рита. – Тебе туда нельзя, понимаешь?

Я не понимала. В нашем доме происходили странные вещи. Я пыталась проникнуть в тайну, но для этого надо было попасть в свой дом. Туда меня не пускали. У взрослых бесполезно было что-то спрашивать. Предчувствие страшно меня тяготило.

На другой день, незаметно пробравшись в соседский двор, я перепрыгнула в наш палисадник и через открытое окно пробралась в дом. Комната была совершенно пуста. Исчезли кровать, стол, шкаф. Весь пол был застелен коврами. Только на гвоздике у окна висел бабушкин платок. Я сразу узнала его, взяла

его в руки – он хранил запах ее волос и лекарств... Наверное, она сняла, чтобы надеть другой, праздничный, подумала я. Бабушка куда-то ушла. Как же сказал дед? «Умерла». Сердце мое заныло. Что же значило это слово? Страшная догадка кольнула меня. Я знала, что такое смерть птицы... Я видела мертвую собаку... Но никогда слово «смерть» не связывала я с людьми – ведь мы были другие. А на самом деле значит, такие же?! Всё во мне похолодело. У меня заломило голову, я тоскливо оглядела пустую комнату и снова выбралась наружу через окно.

...Неумная веселость поселилась во мне в те дни. Я бегала, смеялась, кричала громче всех и засыпала на ходу. Мы с дедом стали жить одни. Так, будто никогда и не было с нами нашей бабушки. Ни я, ни дед о ней не говорили. И я никого не беспокоила расспросами о своей бабушке. Однажды за обедом в родительском доме, когда, быстро съев ненавистный молочный суп, я играла в углу со своей куклой, я услышала, как отец тихо говорил деду:

– Как забывчивы дети... До жестокости. Я боялся, что она тяжело это перенесет. А посмотри на нее – так безмятежна и беззаботна, словно ничего не случилось.

Дед ничего на это не ответил, только ниже склонился над чашкой. Сердце мое замерло. Но я пересилила себя, обернулась к столу и протянула свою пустую чашку маме:

– Еще чаю хочу. И чтобы сливок побольше.

...Что это было? Детский эгоизм? Страх перед тем, что подтвердят мои догадки? Ужас, что я узнаю настоящее? Я боялась услышать то, что уже знала про себя. Страшилась того, что это облекут в слова. И тогда уже действительно будет все непоправимо. Они все не знали того, что знала и ждала я. Никто этого не знал.

Я ждала, когда бабушка вернется. Увидит и не узнает никого. И никто ее не узнает. Только я одна узнаю. Белый ее платок лежал в коробке из-под детского вертолета в самом дальнем углу моего ящика – я никому его не показывала. Я готовила себя к встрече. И не дождалась...

И лишь через много лет эта боль, сидевшая во мне, ударила наконец со всей силой – наотмашь, навзрыд... До каких моих главных радостей не дожила моя бабушка? Что хотела она мне передать, чему научить? Зачем мои будущие грехи брала на себя?.. Если б знать...

Москва, 1985

ВСАДНИКИ НОЧИ

...Айна стояла у окна и смотрела вниз, с высоты третьего этажа, на всадника. Наверное, она меньше удивилась бы, если бы увидела инопланетянина. Их дом стоял на тихой улочке в центре города, что было огромным плюсом для жильцов: через квартал уже начинался проспект, где движение не прекращалось ни на минуту. Мама торжественно говорила гостям: оазис покоя в самом сердце мегаполиса.

Но откуда взялся этот полуночный ковбой? Что он тут делает? Лошадь время от времени взмахивала хвостом, поводила головой, переминалась с ноги на ногу, но всадник не реагировал, так же недвижно сидел в седле. Улица была пустынная и тиха. Ночь, улица, фонарь... Аптека... Бар. Бутик с манекенами за стеклянной

витриной. Асфальт и листва блестели от недавнего дождя. Порыв ветра сбросил очередную порцию листвы и желудей с дуба. Всадник под дубом не шелохнулся. Что-то в его облике было странно-знакомым. Айна не могла понять, что именно, и приоткрыла окно.

Всадник слегка повернул голову в шляпе и посмотрел ей прямо в глаза. Холодок прошел по спине. Или показалось? Она торопливо закрыла окно. Пошла на кухню, налила себе воды.

Мама вышла из туалета, позевывая, спросила:

– Ай, чего не спишь?

Она кивнула на окно:

– Посмотри!

Мама подошла:

– Ну надо же!

Айна с надеждой спросила:

– Как думаешь, что ему надо? Что он тут вообще делает? Откуда?!

Мама пожала плечами:

– Да кто ж знает? Из цирка, небось... Или из зоопарка.

– Мама, где у нас цирк и зоопарк?! Он тут стоит уже второй час!

– Да какая нам разница? Пусть хоть всю ночь! Больной на голову! – отрезала мама. – Спать надо в это время. Ты-то чего не спишь?

Айна поставила чашку в раковину.

– Не знаю... Проснулась от дождя и стука желудей.

– Дождь давно перестал. Спи давай, – скомандовала мама и пошла к себе.

Айна кивнула. Легла в постель. Через какое-то время не выдержала, приподнялась, вновь глянула вниз: всадник на темном коне так и стоял под дубом. Ей показалось, что вид теперь у него понурый. Она хотела, чтобы он опять поднял голову – возможно, ей почудилось?.. Вспомнила: где-то был старый дядин бинокль. Он бы сейчас пригодился. Надо бы его днем отыскать. Легла. Вскочила: можно же сфотографировать на телефон и увеличить, как она сразу не догадалась!

Увы. Всадник исчез вместе с ночью. Дворник в оранжевом жилете подметал листву. Она наспех оделась, выбежала вниз.

– Вы видели здесь всадника?

Дворник недоуменно посмотрел на нее:

– Айна? Доброе утро! Какого всадника?

– Ой, здрастье, конечно! Человек на коне стоял тут всю ночь.

– А, вот откуда это! – кивнул дворник на кучу кругляшек. – За собаками не успеваешь убирать, еще и коней стали тут выгуливать!

– А кто это?

– Откуда же мне знать? Я его не видел... не то надавал бы пендюлей... а вы его знаете, что ли?

– Да нет, хотела у вас узнать... Так странно...

– Да беспредел это! В следующий раз увидите, сразу полицию вызывайте!

Айна кивнула, запахнувшись в плащ, поднялась домой. Сын с разбегу ткнулся ей в живот. Поцеловала его в макушку.

– Ууу, какая ты холодная! Ты где была?!

– Нигде. Мусор выносила.

Мама вышла из кухни, подняла брови:

– Да?..

Пакет с мусором так и стоял с вечера у входной двери.

Айна развела руками:

– Я про другой мусор...

Мама исчезла на кухне, ядовито пробурчав:

– Ага. Из головы надо выбрасывать мусор...

Айна не стала завтракать, посидела рядом с мамой и сыном. Перемывая посуду, заметила:

– Всю ночь стоял этот всадник под дубом... Думала, дворник что-то знает.

Мама недовольно покосилась на нее:

– И не спала из-за этого ночь?

– Как ты думаешь, кто это был? И зачем стоял?

– Мало ли какие фантазии у людей? Может, на спор стоял. Как в кино. Или осеннее обострение у ветеринара.

– Какого ветеринара?

– Да к слову я! Что ты себе голову забиваешь всякой мутью! Ночь не спать из-за всяких идиотов!

Айна вздохнула.

– Пойду, погуляю с Айдаром.

Мама отрезала:

– Сами погуляем. А ты поспи.

Айна благодарно кивнула.

...Зимы не было весь декабрь. Зато под Новый год город уже утопал в сугробах.

Снегоочистители ездили по проспекту, а про их улицу словно забыли.

Встречать Новый год вместе с ними пришли родственники. После полуночи, убрав посуду, все засобирались домой. Тетушка Жамал, мамина двоюродная сестра, осталась ночевать. Айдар перебрался к ней в комнату. Уложив его, она подошла к окну и увидела сани, запряженные тройкой лошадей. «Новогодние забавы», – подумала она, задергивая шторы. Хотя... Помедлила, вглядываясь. Дед Мороз в санях показался... не новогодним. Непраздничным. И даже не Дедом Морозом.

Он был в тымаче – точно таком же, какой был в детстве у ее бабушки в ауле. Она прильнула к стеклу. На мгновение показалось, что в самом деле ее родной дед управляет санями. Она сделала глубокий вздох. Кошевка – так, кажется, назывались эти сани. Тройка лошадей. Высокий сутулый старик. Даже тулуп на нем был вылитый дедушкин. Она помнила этот лисий колючий и странно пахнущий тулуп, которым дед укрывал ее вечерами. И ведь это не сон! Айна прижалась лбом к стеклу. Старик в санях сделал ей – а кому еще? – никого же нет на улице и все спят кругом, никто, кроме нее, не смотрит на него! – неопределенный, словно приглашающий жест рукой. «Надо выйти и посмотреть», – решила она. Собралась и уже у двери остановилась – Айдар истошно закричал во сне. Все внутри нее оборвалось. Вернулась. Прибежали тетушка и мама.

– Мама, – пробормотал сквозь сон Айдар, схватил ее за руку, повернулся на другой бок и затих.

– Во сне привиделось что-то, – проворчала мама.

Тетушка Жамал прочла молитву. Ткнула сестру в бок, показала кивком на окно. Мать посмотрела за окно. Айна подоткнула одеяло сына, подошла к окну. След от

полозьев на снегу был отчетливо виден. Мама и тетушка, хмуро переглянувшись, вышли из комнаты. Айна прилегла рядом с сыном. Он улыбался во сне и сопел.

...Увидев весной под дубом парня, ведущего под уздцы лошадь с жеребенком, Айна уже не удивилась: ждала чего-то подобного. Летом, наверное, будет уже табун, усмехнулась про себя. Она успокоилась. Гуляла с сыном. Работала. По выходным пекла любимое Айдаром азиатское печенье: тонкие пластины теста со смесью сухофруктов и орехов. Мама с тетушкой зачастили в мечеть. Как-то раскрыли сундук, вынули белую ткань, отмеряли, потом сосредоточенно перебирали и считали платки и полотенца.

– О, их сколько! – удивился Айдар, придерживая крышку сундука. – Это за-чем?

Мама Айны, складывая рулон, ответила:

– Пригодится.

– Так много! Такие длинные полотенца! Для чего?

Тетушка добавила:

– Для другой жизни. Каждому надо собрать свой узелок в ту жизнь.

Айдар спросил:

– В какую ту?

Тетушка замялась.

Айна засмеялась:

– В воображаемую.

Айдар посмотрел на нее:

– Ту, что в голове? Столько тряпок туда не поместится!

Мама и тетушка улыбнулись.

– Это для волшебства! – догадался Айдар.

Вечером, укладываясь спать, обнимая ее, спросил:

– А в той, другой жизни, ты тоже будешь со мной?

– Всегда, – твердо ответила она.

– Тогда хорошо, – сонно пробормотал он. – Это мне нравится.

Августовской ночью она проснулась от цокота копыт.

...Всю коллекцию картин, написанных матерью, Айдар много лет спустя подарил художественному музею. И только эту оставил себе: на ней ночные всадники стремительно покидали город. Впереди шел огромный табун. Он оставил ее как воспоминание о собственном будущем. Неизбежном, как эта лава лошадей.

ОТ ПЯТНИЦЫ ДО ПЯТНИЦЫ

...Снег шел всю ночь и все утро следующего дня. Он падал огромными мохнатыми хлопьями, и казалось, снегопаду не будет конца. Но к полудню небо, словно притомившись, решило наконец глянуть на свою работу и успокоилось увиденным: белая пелена стала редеть, а вскоре снег и вовсе перестал идти. Мгновенно наступила сияющая тишина.

Понуро бредущий по скверу человек поднял голову, удивленно глянул по сторонам, стряхнул снег, горкой лежавший на зонтике и, опираясь теперь на него, как на трость, побрел дальше. Маршрут был привычным. Он прошел мимо «пяточка», где постоянно клубился приезжий люд в поисках временного дешевого жилья:

невольно зашевелил ноздрями, вдыхая запах горячего свежеевыпеченного хлеба из открытых ворот круглосуточной пекарни, постоял у лотка, увешанного кипами свежих газет, прикрытых прозрачным целлофаном, невольно прибавил шагу, проходя мимо казанов с дымящимся пловом, не доходя до базара, повернул налево, дошел до улицы Ильича (каждый раз, видя табличку с названием улицы, он про себя посмеивался: видимо, городские власти, охочие нынче до переименования всего и вся, напрочь забыли об этой маленькой и глухой улочке имени вождя Советов), прошел под арку двора, высморкался, достал из потертой клетчатой китайской сумки старый брезентовый ветровик, надел его поверх своей куртки с надписью «Адидас», снял вязаную шапочку, пригладил рукой седые вихры, надел выдавшую виды ушанку, шапку и зонт сложил в сумку, свернув ее вдвое, взял под мышки, вышел из-под арки. Глянул на часы, прошел к скамейке, стряхнул с нее снег, сел на край сумки и с наслаждением закурил. Во дворе носились собаки и дети, соскучившиеся по снегу и слегка теперь ошалевшие от щедростей запоздавшей нынче зимы. Он сидел, курил и безучастно смотрел на мальчишек, игравших тут же в снежки. Странно, но он не помнил себя ребенком. Вернее, напрочь забыл себя таким. Недавно полез на антресоли в поисках старых ботинок и среди рухляди, копившейся там годами, обнаружил свои старые санки. Обрадовавшись: вовремя углядел! как раз сейчас по сходной цене можно сбыть мамашам, гуляющим со своими чадами во дворе, – вытащил их. Там же в углу лежал завернутый в пакет из-под фотобумаги альбом в плюшевом переплете. Достал и его. И весь вечер с изумлением перелистывал его страницы: разглядывал фотографии собственного детства. Он – пухлый карапуз на диване с громадным мишкой в обнимку. В костюме Кота в сапогах у новогодней елки. Верхом на деревянной лошадке. На коленях у деда. На прогулке с мамой. Рука, взметнувшаяся в салюте – кажется, прием в пионеры. В парке Горького – с мамой и тетей. Он вглядывался в фотографии с болезненным любопытством и думал о том, что между ним сегодняшним и этим мальчиком из плюшевого альбома нет ничего общего. Тот даже родился в другой стране. Той страны теперь нет на карте. Несколько лет назад он неожиданно получил письмо от приятеля, уехавшего в годы перестройки в Америку: на конверте, где значился адрес получателя, по-английски было написано: Казахстан, а в скобках пояснялось: бывший СССР.

Мальчика из альбома звали Жанат Бекмухамедов. Теперь в его паспорте написано: Жанат Бек-Мухаммед. Он, правда, настаивал, чтобы написали Бек-Мухаммед-торе, но в паспортном столе не разрешили – взятку не догадался дать, сожалел он потом.

– Мы – торе¹, – часто повторял дед. – Если за что-то беремся, то ни у кого не должно быть сомнений, что мы с этим справимся. Мы – торе. Этим все сказано.

И сам он позднее, в шумном казахском застолье, где всякий раз неизбежно возникал вопрос о роде-племени, выждав паузу, веско сообщал: мы, Бек-Мухаммеды, ни к какому жузу не относимся. Мы всегда над схваткой. Потому что мы из чингизидов. Мы – торе. На минуту-другую за столом обычно смолкали, с любопытством разглядывали его. На короткий миг градус уважения компании к нему повышался: надо же – живой потомок чингизидов! Обязательно находился кто-то,

¹ Торе – прямые потомки Чингисхана, так называемый золотой род. Представители только этого рода в древности могли править в Казахской степи.

уважительно спрашивающий: не родственник ли Садвокаса Бекмухамедова? Он с достоинством отвечал: внук.

Публикации его деда в местной прессе были знакомы многим. Будучи учителем истории в школе, тот все свое свободное время посвящал генеалогии казахских родов. Две его брошюры – «Летопись казахских родов» и «Генеалогическое древо казахов» – с подробными картами, схемами, таблицами переиздавались теперь чуть ли не ежегодно. Весь гонорар дед завещал в свое время местному краеведческому музею на приобретение экспонатов, так что семье перепадали лишь авторские экземпляры и благодарственные письма. Дед занимался своими исследованиями в те времена, когда это занятие казалось не просто причудой, а и вовсе бессмыслицей. Многие из тех, с кем дед встречался, кого разыскивал, чтобы уточнить необходимые данные, не то что своих предков до седьмого колена, даже языка родного уже не знали. Но дед был упорным человеком. Не унывал, если поиски приводили в очередной тупик. Впрочем, дед был верующим. Может, потому и незнакомо было ему отчаянье? Да и почестей не ожидал от результатов своей работы. Сам взвалил на себя этот труд, казавшийся в то время многим странным, если не подозрительным. Ведь недаром вызывали в «серый» дом². Оттуда всегда возвращался мрачным. Вздыхал и молчал. Неделью-две не брался за бумаги, а потом бурчал: я все равно должен это сделать, и вновь начинал свои изыскания. Говорил: нет ничего случайного. Верил в предопределение: у Него всё расписано. Дед в итоге всегда оказывался прав...

Он усмехнулся про себя этим мыслям. Значит, в том, что он – его внук, Жаннат Бек-Мухаммед-торе, – живет так, как живет сейчас, вернее, даже не живет, а просто небо коптит, тоже нет ничего случайного? Значит, именно так было угодно небесам?

...А ведь какие надежды подавал! Словно все это было не с ним. Или жизнь была не его? Может, ему ее незаметно подменили? В университет поступил с первого захода. Конечно, на исторический факультет. Хотел быть археологом. Со второго курса стал ездить в экспедиции. Родственники спрашивали: как летом отдыхаешь? Он отвечал: летом я не отдыхаю. Летом я копаю! Ездил на исыкские курганы, на Алтай, даже на Устюрт раз попал. Возвращался загорелым, крепким, веселым. С кучей пожухлых блокнотов. Говорил: тут материала на целую книгу!

Мама работала медсестрой-массажисткой в загородном санатории для партийных боссов и месяц после приезда он, по собственному выражению, «отмокал», пользуясь маминым положением, в привилегированных лечебных ваннах этого санатория. Потом «выходил в свет». Встречался с друзьями, болтался с ними допоздна по разным кафе в старом центре, делился впечатлениями. Замечательное было время! Его рассказы о раскопках в компаниях имели успех. А у девушек он всегда пользовался повышенным вниманием. После университета сразу попал в Институт археологии при Академии наук. Сам Старик, директор института, пригласил его к себе. Однокурсники завидовали, но воспринимали как должное: он и впрямь был самым эрудированным в группе – диплом признали лучшим на факультете за последние пять лет.

Так в его жизни появилась работа. Он числился м.н.с. Зима и весна проходили в нетерпеливом ожидании лета. А лето – полевая разведка или экспедиция. Правда,

² «Серый дом» – здание КГБ.

распорядок осени и зимы оставался прежний: мамы ванны, кафе с друзьями, отчеты. Отчеты он писал, не торопясь, подолгу курил в коридоре, читал научные статьи коллег, входя постепенно, как сам насмешливо говорил, в классически-академический ритм: копался в летних блокнотах, ходил в библиотеку, делал выписки – правда, в фундаментальную работу это не выливалось – во всех археологических экспедициях он был рядовым участником. Он многое знал и умел, поскольку ездил на раскопки не первый год, работы ему поручались самые разнообразные, он со всеми отлично справлялся. Не один пуд пыли съел, шутил он по этому поводу. «Копают все, а защищает диссертацию всего лишь один», – так мотивировал свой отказ от специализации по археологии его сокурсник по истфаку, выбравший модную нынче этнологию и в самом деле защитивший очень скоро кандидатскую по теме обрядовых песен западного Устьярта. Но он не завидовал. Ему нравилась атмосфера братства, кипучей летней работы, постоянных поисков, неожиданных находок. С легкой руки приятеля-журналиста стал писать об экспедициях в местные газеты. Даже вел авторскую рубрику в «Вечерке». Мама гордилась его опусами. Весь персонал санатория был осведомлен о делах ее выдающегося сына-археолога. Она жалела, что дед не дожил до этих дней. Жили они с матерью, можно сказать, неплохо, а по некоторым меркам даже и роскошно: трехкомнатная квартира в старом центре. Мать работала в престижном месте, плюс подрабатывала в свободное время: в ее услугах порой нуждались весьма важные персоны, так что дом у них был – полная чаша. Даже в пору жесточайшего дефицита мать умудрялась где-то из-под полы покупать ему настоящие американские джинсы, кожаную куртку, импортные кроссовки.

Он никогда не задавался вопросом, где и как покупать себе вещи. Считал себя неприхотливым человеком. Именно таким он, кажется, теперь и стал.

Где и как изменила ему удача? Когда это случилось? Может, в тот момент, когда он решил заняться бизнесом? Вряд ли. Как раз тогда все шло как по маслу. Он чувствовал себя на коне. Впервые в жизни купил машину. Маму – тоже впервые в жизни – отправил на заграничный курорт, она говорила: в Анталью съездила – как на Марс слетала. Все было ей в диковинку после советского опыта. А он лишь снисходительно улыбался. И ведь само все шло в руки! Нет худа без добра, повторял он тогда. Худо было то, что экспедиции в институте закончились. денег в бюджете не стало. Зарплату задерживали два месяца подряд. Он плавал целыми днями в подогретом и непривычно малолюдном бассейне «мамино» санатория. Там и познакомился с Куатом. Тому как раз был нужен алма-атинский напарник. Через неделю стали компаньонами.

...Ох, и лихое же то было время! Обвальнй период первоначального накопления капитала! Чем только ни занималась их с Куатом посредническая фирма! Кроме них, в ней работали еще трое. Крутились как волчки! Товар – деньги – товар. Шило меняли на мыло. В прямом смысле. Везли порошки и мыло из Набережных Челнов. На Урал. А с Урала в Набережные – шурупы и гвозди. Вагоны с сельдью с Дальнего Востока, уголь с Экибастуза, вино из Молдовы, продукты питания из Европы. К сельди по дороге добавлялся лес и уксус. К продуктам питания – бельё. Времени на сон постоянно не хватало, да и спать почему-то не хотелось. Это сейчас ему хочется прикорнуть в любой момент. А тогда было не до сна: поток товаров и денег требовал неусыпного внимания. И постоянного присутствия – на телефоне, на факсе, в офисе; за день надо было успеть в десятки мест. Темп жизни

был сумасшедший. Трехдневный вынужденный отпуск в Дубаях: ждал товар и рейс – стал для него непривычным глотком свежего воздуха.

Азарт и фарт опьяняли. Вечера проходили в кабаках. Он вдруг полюбил зазывать там блатные песни. То была безумная гонка. Адреналин в крови вырабатывался беспрерывно. Мать уступила его уговорам и наконец оставила свою работу, и только время от времени – не из-за денег, а исключительно по старой памяти и из уважения к своим клиентам, соглашалась на частные услуги массажа. Он покупал ей дорогие вещи, золотые безделушки. Теперь вдруг вспомнил: она их не надевала. Даже не примеряла. Никогда. Складывала отдельно в углу шифоньера. Будто боялась шальных его денег. Впрочем, за то золото она потом выручила неплохие деньги. Он снял отдельную квартиру, и мать отнеслась к этому с пониманием: телефон не смолкал ни днем, ни ночью. Время от времени он подкатывал к дому на джипе, вяло ковырял домашние котлеты, отмахивался от ее расспросов: «да все нормально, мама, не о чем беспокоиться!» Водитель в это время заносил в мамину квартиру очередные коробки и пакеты. Между прочим, индийский чай из этих коробок кончился лишь два года назад...

...А потом вдруг стало как-то напряженно. Куата убили в Караганде. Андрей неожиданно уехал с невестой Klarой в Аргентину. Мурат ушел без объяснений. Остались вдвоем с Талгатом. Бизнес вроде шел по накатанной колее, но что-то неуловимо изменилось вокруг – воздух стал словно разреженным. Но он тогда этого не понимал... Хотя чувствовал: что-то не так.

Тот злополучный «Мерседес» лишь взорвал ситуацию. Пригнали его по спецзаказу. Прежде чем отдать клиенту, который уже уплатил половину стоимости, Талгат решил прокатиться со своей девушкой на этом «Мерсе» до Иссык-Куля и обратно. Той осенью Талгат собирался жениться. Он согласился. А через день поехал по звонку из милиции на опознание: машина на скорости перевернулась на перевале. Он ехал, а в голове вертелась дурацкая мысль: даже не успели искупаться... Пусть бы это произошло позже, что ли... Как будто это имело значение для двоих, нашедших свою смерть на Кордае... Он впервые хоронил друга и его несостоявшуюся жену.

И все! Фарт кончился. Бизнес стал разваливаться на глазах. Люди в фирме постоянно менялись. Руководитель из него получился никудышный. Поток денег и товаров стал неуправляемым. Он подписывал документы порой в подпитии, не глядя, подмахивал бумаги. Прежние друзья растворились в прошлом. Новые были одноразовыми. Они подсаживались к нему в кабаках, ехали с ним на фирму, оказывались в его машине, даже в квартире, везли его к девочкам, на дачку, в баньку, бог знает еще куда и зачем. Он с трудом припоминал на следующий день их лица – это был бесконечный калейдоскоп: каждый раз новый яркий и причудливый узор.

...Проснулся после очередной безумной пьянки в своей квартире, среди полупустых бутылок и жестянок пива. Голова раскалывалась, но что-то силилось всплыть в сознании. Он глотнул теплого пива, и холодный пот прошиб его: мама! Кажется, она звонила. Что-то случилось, – кольнуло в душе. Он набрал домашний номер. Долго держал у уха трубку. Телефон не отвечал. Глянул на часы: половина третьего ночи. Его охватила безотчетная тревога. На дрожащих ногах (это сколько же времени я беспробудно пил, подумал он) с трудом доковылял до ванной. Встал под ледяной душой. Лихорадочно брился. Слегка порезался. Нашел чистую

рубашку. Оделся. На минутку присел: ноги едва держали. Глянул на себя в зеркало. Криво усмехнулся: не такой уж горький я пропойца... Он всегда являлся домой подтянутым, аккуратным: «типичный маменькин сыночек» – аттестовал он себя в университете девушкам. Этому правилу не изменил и теперь. На звонок выглянула соседка из квартиры напротив: она ему и звонила. Тогда у матери случился первый инсульт. Возможно, судьба посылала ему таким образом сигналы. Куат. Талгат с его девушкой... Мама... Надо было срочно предпринимать какие-то меры. Но на него накатила волна безразличия и усталости. И когда на пороге квартиры появились трое в одинаковых китайских спортивных костюмах, он кивнул и пошел в комнату. Вернулся обратно с дорожной сумкой и сказал: «Это все. Квартира не моя. Снимаю. Вернее, снимал до сегодняшнего дня». Те переглянулись. Заглянули в сумку. Там лежали 220 тысяч долларов – вся наличность фирмы, которую он снял с точек, которые утром закрыл навсегда. Хмыкнули. Глянули с усмешкой на него и сказали: «Живи, парень! Может, еще поднимешься. Тогда и мы вспомним про тебя». Ушли и даже не хлопнули дверью. Зато денег от продажи джипа хватило на интенсивный курс лечения матери – с дорогими лекарствами, круглосуточной сиделкой и даже массажистом. Через полгода мама стала понемногу ходить по квартире, а через год стала прежней хлопотливой наседкой. Он поставил мать на ноги. Но что-то сломалось в нем самом.

Он вернулся на прежнее место в Академию наук и оказался вдруг самым пожилым м.н.с. в отделе. Не придавал этому значения. Летом поехал вновь на раскопки, с головой окунулся в процесс, жадно общался с местными жителями, спал как никогда хорошо и спокойно – почти как в детстве – безмятежно и сладко. Осенью в институте было сокращение штатов: времена рыночные, надо по одежке протягивать ножки, мрачно сообщил директор. Его оставили, как выразился заведующий, из уважения к его положению, дали четверть ставки и посоветовали вплотную заняться диссертацией. Тема была утверждена давно. Он сам, по мнению руководства, не проявлял активности. Он кивал. Даже шутил в ответ: обещаю вскорости остепениться. Мать ни о чем не расспрашивала. Но после того как позвонили из КСК и пригрозили подать в суд за длительную неуплату коммунальных услуг, что-то продала, какую-то сумму заняла у приятельницы, оплатила все счета. Привела себя в порядок. Кому-то позвонила. Куда-то ходила. И через неделю вышла на работу в частную клинику. Сыну сказала: надоело дома сидеть. Квартплата уплачивалась теперь исправно. Он промолчал и отвел взгляд. Он теперь много читал. Большую часть времени проводил дома. Делал выписки. Курил. Думал. Писал. По вечерам ужинал с пришедшей с работы матерью. Охотно и с аппетитом ел ее котлеты, сырники. Рассказывал о своих изысканиях. Цитировал какие-то фразы. Она кивала. Потом она смотрела сериал, он разгадывал кроссворд, обращался к ней с вопросами по медицинской части. Усердно писал. Вновь стал появляться в редакциях местных газет. Жизнь перешла в спокойное неторопливое и размеренное русло. Утром он принимал душ и появлялся на кухне, где уже дымился кофе, на столе ждала овсянка и неизменные сосиски. Он вдыхал аромат подогретого в тостере хлеба и говорил: «Мама, что бы я без тебя делал?» Мать отвечала: «Наверное, наконец, женился бы». «Жених из меня никакой: весь седой, да к тому же ученый, – отшучивался он. – Это я вчера был завидным женихом – крутым бизнесменом».

Ученый... А ведь не вышел из него ученый!

Шеф, прочтя егоopus, над которым он корпел больше года, с изумлением сказал:

– Жаке, вы крайне эрудированный человек. Познания у вас просто энциклопедические. Более чем обширные... – На минуту замялся, сочувственно глянул на него и сказал: – Позвольте уж напрямую. Ваша работа – сплошь цитаты и ссылки. Но при этом – ни одной оригинальной мысли. Это так странно при вашем уме и опыте.

– Позвольте! – вспыхнул он.

Но шеф продолжил:

– Я не имею в виду открытия, находки, в нашей работе они чрезвычайно редки. Но нужны не просто описания, а анализ. В вашей работе отсутствует исследование как таковое – нет разборов с предположениями, гипотезами, вашими доводами «за» и «против». Я даже как-то растерялся. Посмотрите, пожалуйста, еще раз с этой точки зрения. А что касается ссылок – просто блестящие, с научной базой там все в порядке.

Он кивнул и, оглушенный услышанным, забрав свою работу, вернулся к себе. Неделю не открывал диссертацию. Потом решил вновь перечитать. И, к своему стыду, понял: шеф был прав. Обиднее всего, что тот был всего на два года старше его, а уже защитил докторскую. Уязвленный, он взял в библиотеке вестник академии и стал искать статьи самого шефа. Читал всю ночь. Надо отдать должное: статьи были дельные. Небольшие, написанные скупно, ясно и четко. Не замахиваясь на глобальные вещи, шеф предпочитал исследовать частные – описывал погребения в Западном Казахстане, делал это живо и точно, сопрягал свои наблюдения с мифами, ссылаясь на схожие обряды индейцев, подмечал сходство, резко выделял отличия, указывал их причину, писал емко, каждый свой вывод подтверждая новыми фактами и ссылками. «Глубоко копает», – с невольным уважением и завистью подумал он, прочтя очередную статью. Некстати вспомнил мальчишник, который традиционно устраивал покойный Старик, тогдашний директор института. Авторитет Старика был незыблем. Его все и боялись, и уважали, и любили одновременно, как божка, посмеивались сами коллеги.

Они курили втроем, и Старик тогда сказал нынешнему его шефу:

– Ты – крепкий историк. И археолог – настоящий. Тщательно работаешь. Ценю. – Помолчав, добавил с сожаленьем: – Только вот огня в тебе нету. Отчего так – не пойму. – Потом засмеялся: – Впрочем, может, тлеет незаметно?

Глянул на него, подмигнул:

– А вот в нем – сразу видно: огонь есть!

Тот тогда отшутился: «так у него имя к этому обязывает! Жанат – значит, возгорится, будет гореть всегда». Все кругом расхохотались. Он тогда был невероятно польщен оценкой Старика. Никому, даже матери, про этот эпизод не говорил – берег для себя. Ну не мог же так ошибиться в нем Старик! Сам позвал. Сам наставлял: не торопись защищаться, в науке не степень главное. Но именно отсутствие степени не оставило ему шансов при очередном сокращении штатов. Коллеги в кулуарах подходили: у тебя большой стаж работы, подсуетись. Но... Старика уже не было в живых. Шеф, который наверняка бы помог в этой ситуации, был в длительной научной командировке. Он подумал-подумал и никуда не пошел. Торе – они ведь гордые люди...

– Степень, видите ли, у меня отсутствует, – пожаловался он маме. – Ничего, переживем.

Но мама почему-то новость о сокращении его на работе восприняла совсем плохо. У нее опять случился удар. Снова полгода пролежала в постели. Он бегал по старым знакомым, сбывал вещи, оставшиеся со времен краткой его «крутизны», сокурсница по блату достала ему очередные лекарства по линии гуманитарной помощи... Мама выкарабкалась и на этот раз. И заговорила о том, что надо продать квартиру – мол, эта слишком велика для двоих. Именно тогда его осенило: разменять квартиру на две и одну сдавать. И уже через месяц шустрый маклер Костя Ким приискал им приемлемый вариант: полупорку в старом центре и однокомнатную в микрорайоне. Плюс им полагалась даже доплата: две тысячи долларов... Так они оказались в полупорке. На полученные деньги сделали небольшой ремонт, и квартирку в микрорайоне он тут же сдал. Так и жили. С маминой пенсией этих денег им хватало. Иногда по старой памяти давали на рецензию статьи из института. Совершенно случайно он нашел для себя еще один источник доходов: анонимно стал писать курсовые и дипломные. Судя по тому, как улыбались ему всегда на фирме, куда сдавал свои работы, он был в фаворе.

– Вы у нас отличник! – сказала ему кассир выдавая очередные деньги.

– То есть? – не понял он.

– По вашим работам не бывает замечаний – сдают с первого раза. И всегда на «отлично».

– А что, бывают и замечания? – растерялся он.

– Еще какие! – встряла менеджер Аида.

– И что тогда? – испуганно спросил он.

– Вызываем того, кто писал. Он вносит исправления. Но уже без оплаты. Вам это не грозит, – улыбнулась Аида. – На вас – очередь.

Он кивнул и криво усмехнулся. Выйдя с фирмы, купил водки и пива. Вечером, дождавшись того момента, когда мать уснула, он напился. Он не хотел никаких расспросов. Впрочем, зря этого боялся. Мать и не пыталась, только глаза ее постоянно предательски блестели. Но что он мог с этим поделать? Он научился сам готовить. По принципу «из ничего – нечто». Сам стал ходить на базар, оптовый рынок, знал места распродаж. И вообще, он стал смекалистым и хозяйственным. Даже умудрялся откладывать кое-что с квартирных денег. И все бы ничего. И дальше бы жили – не тужили. Но три года назад приехала из Аральска единственная мамина племянница с мужем и двумя детьми, упала в ноги тете и просила помочь. Два дня мать думала. И все два дня племянница с семьей жила с ними в тесной полупорке – некуда было податься. Мать решила: пусть пока проживут в однокомнатной, что в микрорайоне. Но – за плату. Пока за 100 долларов, но через три месяца – по 200.

– Хоть и не чужие люди, но иначе никак, – сказала мать, пряча глаза. – Сами видите, как живем.

Муж племянницы был шофером. Устроился в автопарк. Через неделю принес деньги за четыре месяца вперед. Под новый год племянница пришла с детьми, принесла торт и, глядя в пол, бесцветным голосом сообщила, что муж от нее ушел, живет на всем готовом с какой-то женщиной, которая мотается в Китай за товаром. Тут она разрыдалась в голос и попросила его поговорить с ним как мужчина с женщиной. Он пошел по указанному адресу. Муж был как раз один в квартире. Пригласил зайти. Вытащил водку. Налил себе и ему. Закурил.

Сказал:

– Знаю, зачем пришел. Пока не вернусь. Устал я. Хочу пожить сам по себе.

Он начал мямлить насчет детей, отцовского долга.

Тот стукнул кулаком по столу:

– Ша! От детей не отказываюсь. Помогать буду. Как смогу. А жить с ними – нет. Достала меня такая беспросветная жизнь! Между прочим, она сама меня в этот город привезла. Мол, родня тут. Я – не хотел. Пусть теперь живет со своей родней. А я для себя хоть поживу.

Он не нашелся, что сказать в ответ. Отказался от выпивки. Пришел домой. На немой вопрос притихших детей и матери лишь покачал головой.

Потом через силу выдавил:

– Сказал: от детей не отказываюсь. Помогать буду. Но сейчас к вам не вернется.

Сестра часто заморгала, кивнула, быстро собрала детей, оделась сама и уже у порога извиняющимся тоном произнесла: «Вы уж разрешите повременить пока с платой за квартиру, как устроюсь на работу, рассчитаюсь. Свои ведь все-таки, а?»

Мать промолчала. Смотрела выжидающе на него.

Он буркнул:

– Ну, что же теперь делать – подождем.

Племянница жалко улыбнулась. Мамино лицо просветлело.

И вот уже два года мамина племянница живет в их «доходной» квартире, с трудом сводя концы с концами. К ним и носа не кажет. Мать время от времени – стараясь это делать в его отсутствие – звонит ей, отчитывает и требует платить. Хотя бы частями. Та в ответ плачет: и рада бы – да не с чего. Пенсии матери едва хватает на оплату коммунальных услуг. Курсовые и дипломные – сезонный заработок. Осенью подвернулась редкая удача: попросили сделать сверки для новой исторической энциклопедии. Заплатили хорошо, добавили за срочность, даже на презентацию звали. Жаль, что разовый был заказ...

...От неожиданности он вздрогнул и выронил сигарету: снежок попал ему прямо в лицо. Он оглянулся.

– Ой, аташка, извините, я не в вас, я в него целился! – заверещал мальчуган и погрозил кулаком второму, который укрывался за его спиной.

– Извините, пожалуйста, – пробурчал и второй.

– Ничего, – ответил он.

Глянул на часы. И разом очнулся от своих мыслей: ого, сколько я тут просидел! Пора, однако! Встал, засуетился, подхватил под мышку свою сумку, пошел восвояси.

– Бомж, – сказал вслед один из мальчишек.

– Не-е, – протянул второй. – Бомжи воняют. Он – домашний. Просто совсем бедный, – заключил он. – Мама говорит, сейчас много таких: бедных, старых и одиноких.

Девочка постарше на качелях, сообщила:

– Я его тут каждую неделю вижу. По пятницам всегда тут сидит. По-моему, чокнутый, – и в подтверждение своих слов покрутила пальцем у виска.

– Не сказал бы, – заметил мальчишка, что попал в него снежком. – Глаза у него – не как у сумасшедшего.

– Много ты видел сумасшедших! – презрительно усмехнулась девочка.

– Просто старый. Старики все странные, – заявил другой мальчишка...

...Он шел по двору медленной шаркающей походкой. Он слышал, как дети обсуждают его, видел боковым зрением, как глядят ему вслед. Он и в самом деле чувствовал себя глубоким стариком. Может, все дело в том, что мать родила его в сорок лет? Тетя говорила, никто не замечал ее беременности – уехала в отпуск и вернулась уже со свертком в отчий дом. Сейчас ей уже восемьдесят. После инфаркта с трудом передвигается по квартире. Они поменялись ролями. Ему теперь тоже сорок. И он в ее лице обрел ребенка. И ради этого ребенка каждую пятницу спешит сюда. Здесь все свои. Его многие уже знают. Занимает место у парадных ворот. Он не верит во Всевышнего. Но только благодаря Ему каждую пятницу мать вечером пьет настоящий прозрачный куриный бульон. И не было еще такой пятницы, чтобы бесценное его дитя оставалось без чашки ароматного крепкого бульона. Бульон дает ей силы жить до следующей пятницы. Ради этого он тут. Потом под аркой он снимет ветровку и ушанку деда – тот ходил в этой одежде на охоту. Его охота тоже завершится через три часа. Он снимет это «снаряжение», подсчитает доходы. Пойдет на базар, выберет подходящую курочку. Сварит бульон. Вечером искупает мать. В заранее нагретой ванной. Уложит ее на тахте, подоткнет одеяло. Напоит золотистым бульоном с укропом и чесночком. Всё как всегда. Она к этому привыкла. И он не будет менять ее привычек. Поэтому каждую пятницу он здесь. Ему сорок лет, и собственная жизнь ему давно ни к чему. Стоя у мечети, он ни о чем не думает, не поднимает глаз, и только протягивает руку в толпе, просящей подаяния. Просто протягивает руку...

Кажется, опять пошел снег...

Асия Байгожина по первому образованию журналист, по второму – кинематографист. Окончила КазГУ имени С. Кирова в Алматы, затем Высшие сценарные и режиссерские курсы в Москве. Работала в СМИ и на «Казахфильме». Автор и режиссёр ряда документальных фильмов; в том числе: «Декабрьские хроники. Краешек правды», «Сенім жолында», «Елімай. Репатриантские хроники», «Динмухаммед Кунаев. Хроника жизни и смерти». Лауреат МКФ. Инициатор и глава Форума документального кино Центральной Азии. В настоящее время снимает новый фильм и набрала новую мастерскую режиссуры документального кино на факультете «Кино и ТВ» КазНАИ имени Т. Жургенова.

